

ЮЖНЫЙ КРАЙ

Воскресенье, 7-го Декабря 1908 года.

ИЛЛЮСТРИРОВАННОЕ ПРИБАВЛЕНИЕ № 9557.

ЖЕНЩИНА.

I.

Алеша Макогоновъ, служившій раньше въ полку, а нынѣ помощникъ класснаго наставника при уѣздной прогимназіи, окончательно рѣшился жениться.

Представьте себѣ ангела (не Алешу Макогонова, конечно; въ немъ не было ничего ангельскаго; гимназисты величали его Макъ-Магономъ, чѣмъ онъ втайнѣ гордился; нѣтъ, сейчасъ идетъ рѣчь о Нюнѣ Цѣпочкиной), представьте себѣ ангела съ смуглымъ милымъ лицомъ, огромными темными глазами, пепельными волосами, заложенными на подобіе какого то тюрбана, съ маленькими ручками и умопомрачительной фигурой.

Когда разнеслись было слухи обѣ якобы открывшихся около города заликахъ графита, сюда наѣзжалъ одинъ столичный инженеръ. Такъ онъ однажды выразился гдѣ-то, что если-бы онъ не зналъ, что ее зовутъ Нюня Цѣпочкина, то, пожалуй, счелъ бы ее за оригиналъ картины какого-то Россети и вообще прерафаэлитовъ.

И очень возможно, что это такъ!

Во всякомъ случаѣ извѣстно, что многіе называютъ ее ангеломъ. Такъ сынъ предсѣдателя управы, студентъ, прислалъ ей лѣтомъ письмо, гдѣ приводились стихи его собственнаго сочиненія, начинавшіеся словами:

„У вратъ Эдема ангель нѣжный“.

Письмо это умудрился прочесть Ваня Корзинкинъ, сортируя на почтѣ корреспонденцію, списалъ и подъ секретомъ показывалъ самому Алешѣ Макогонову.

Нюня Цѣпочкина служитъ въ управѣ, получаетъ 30 рублей (пока!) Всестаки содержаніе сносное, но не въ этомъ вся сила, а въ томъ, что у ея матери, живущей съ нею же, имѣется гдѣ-то братъ, разбитый параличемъ богачъ—холостякъ.

Было бы наивно думать, что онъ завѣщаетъ все свое состояніе Нюнѣ Цѣпочкиной: вѣдь, эти старые холостяки...

Но разсчитывать на извѣстную долю—вовсе не такая ужъ фантазія.

Но, если предположить, что и это фантазія, Нюнѣ Цѣпочкиной все-таки нечего бояться: она имѣеть полный атtestатъ губернскай гимназіи и при такомъ образовательномъ цензѣ всегда сумѣеть устроиться. Говорятъ, будто-бы она даже доказала сыну предсѣдателя, что стихи его—вовсе

не его, а заимствованы изъ какого-то довольно извѣстнаго писателя.

Вотъ на этой-то Нюнѣ Цѣпочкиной и рѣшилась окончательно жениться Алеша Макогоновъ.

Да и право! Чего смотрѣть —вотъ возьметъ и сдѣлаетъ ей предложеніе. Слава Богу, ему уже подъ 30, да и ей 21, пожалуй, уже будетъ. Чего смотрѣть! Вѣдь, женятся же люди —это очень просто и естественно; особенно же чиновнику по министерству народнаго просвѣщенія... Что ни говорить, а бракъ имѣеть огромное воспитательное значеніе. Ну какъ теперь онъ воспитатель, онъ, Алеша Макогоновъ, смѣшной холостякъ? Что можетъ дать онъ молодому поколѣнію?

Грубый мужланъ, салдафонъ, ничего не читаетъ и часто въ училище является „подъ-шофе!“ Хорошее вліяніе, нечего сказать! Съ бракомъ все это, понятно, какъ вѣтромъ сдуется...

Чудаки, право, тѣ, которые выискиваютъ въ бракѣ какія-то оборотныя стороны! Вотъ возьметъ —да и сдѣлаетъ предложеніе. Наперекоръ всѣмъ имъ. И откладывать больше не будетъ: довольно ужъ этихъ откладываний, довольно!.. Теперь же на каникулахъ и покончить. А то, чего доброго, еще въ трусости самъ себя заподозришь...

Эхъ, Нюня, Нюня... Нюня!

II.

Когда Алеша Макогоновъ такимъ образомъ окончательно рѣшился жениться, онъ въ тотъ же день подъ вечеръ отправился къ своимъ друзьямъ, Пѣтухову и Драбкину.

Оба оказались дома.

Они сидѣли въ однѣхъ жилеткахъ въ садикѣ. На столикѣ, какъ всегда, стояло пиво, какая-то снѣдь, миска съ вишневыми варениками, на половину прикрыта замызганной книжкой „Русскаго Богатства“. Сверху жиденько шумѣли вишневыя деревца, а справа въ нѣсколькихъ шагахъ журчала криница.

— А, анахореты, привѣтствовалъ Алеша друзей, перелѣзая къ нимъ съ улицы черезъ плетень.

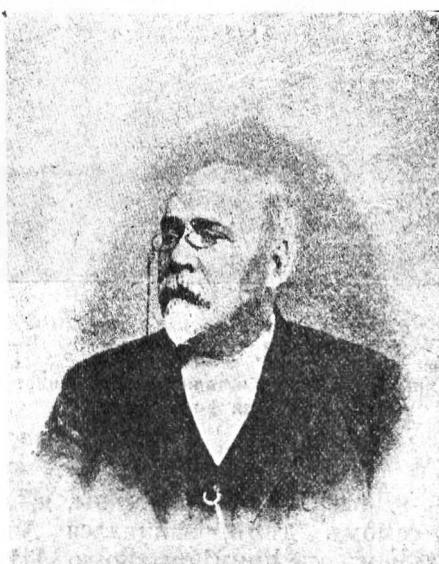
Паша Пѣтуховъ, иначе Поль де-Кокъ или Поль де-Коша, молодой преподаватель русскаго языка, средняго роста, въ круглыхъ очкахъ и идеалистъ.

Германъ Драбкинъ—высокий, благодаря своей шевелюрѣ похожий на тощий гвоздь съ огромной шляпкой, былъ матеріалистомъ и преподавалъ математику.

И. И. Мечниковъ.

Знаменитый русскій бактеріологъ, завѣдующій отдѣленіемъ Пастеровскаго института въ Парижѣ. На дняхъ между нимъ и германскимъ профессоромъ Эрлихомъ раздѣлена премія имени Нобеля по медицинѣ.

М. И. Ильинский,

предсѣдатель Харьк. Съѣзда Мировыхъ Судей, секретарь Совѣта Харьк. Университета, скончался 22 ноября.

— Чу, барабанъ тамъ бѣть,
Макбеть, Макбеть идѣть!
сказаъ Пѣтуховъ зѣвнуль.

— Вотъ возьму да сразу и скажу
имъ, думалъ Алеша: скажу—и конецъ.
Чего канителитъ.

Но когда Драбкинъ спросилъ:

— Ну, что нового на сей разъ?

И какъ показалось Алешѣ, не то
насмѣшило, не то скептически взгля-
нуло на него, рѣшимость его куда-то
стала уходить.

— Давайте водки, не совсѣмъ раз-
вѣзно сказать онъ: обязательно жди-
те свадьбы.

— Да помилуй, Макъ-Магонице ты,
который ты ужъ разъ женишь кого-
то... Невѣста упрямится, что-ли? вскри-
чалъ Драбкинъ.

— Ну, ты ужъ извѣстный скеп-
тикъ, угроюмо буркнулъ Алеша и по-
думалъ:

— И чего это опять мямлю я! Ска-
зать бы однимъ ударомъ и—квить.

Но вмѣсто того онъ занесъ такую
околесицу, что Драбкинъ руками раз-
велъ:

— Все ты вокругъ да около. Не
самъ ли ужъ ты собрался жениться,
брать? Вотъ была бы штука!

— Вотъ выдумалъ! Что ты, ей Бо-
гу! Ха, ха! залепеталъ Макогоновъ
и, чтобы склонить лицо, метнулъ
съ къ криницѣ и стала за вере-
вочку тянуть оттуда бутылку съ
охолаждающимъ пивомъ. Долго
возился, тянулъ, откупоривалъ,
наливалъ стаканы, выпилъ, и на-
конецъ, сказалъ:

— Ничего подобного!
— Про что это ты? спросилъ
Драбкинъ.

— Да вотъ... что я, мол... что,
молъ, жениться я собираюсь.

Драбкинъ промолчалъ и сѣвъ
вареникъ, обливъ журналъ.

У Алеши совсѣмъ упало серд-
це. Взять-бы, сказать-бы все, до-
казать-бы всѣмъ имъ. Что-жъ
тутъ такого, право. Можно подумать,
что онъ боится открыть...
Но, вѣдь, это рѣшено и подпи-
сано!. Вотъ сейчасъ досчитать-бы
до ста и сказать. Или нѣтъ: ска-
зать, когда допытютъ эту бутылку.

Бутылка очень скоро шла къ
концу.

Мягко и нѣжно надвигались
улыбающіяся южныя сумерки.

III.

— Вотъ Пашка молчитъ все...
началь Макогоновъ.

— А тебѣ что? спросить Пѣ-
туховъ, отрываясь отъ своихъ
мыслей.

— Нѣтъ, вы скажите мнѣ, что
такое женщина. Я все насчетъ
свадьбы этой. Возьмите Строеву,
Кручину, ну, скажемъ, Цѣпочкину,
что ли, и—какъ съ вашихъ точекъ:
что такое женщина?

— Все женщина, да женщина, об-
озлился внезапно Поль де-Коша: что-
то ты больно завель свою шарманку.
Добро бы хоть анекдоты и сальности,
а то и того нѣть. „Женщина“, а что
„женщина“—чортъ тебя знаетъ. Каж-
дый день, каждый день одно и тоже.

— Кажется, онъ хочетъ сошвата-
ть тебѣ эту Цѣпочкину, предположилъ
Драбкинъ: да куда ему!

— Вотъ еще сваха нашлась, про-
бормоталъ словесникъ и отвернулся.

Композиторъ Рахманиновъ.

По поводу постановки его оперы „Елка“ 5 декабря на нашей оперной сценѣ.

Н. В. Муравьевъ.

Чрезвычайный посланникъ и полномочный министръ въ Римъ.
Скончался 1-го декабря.

ча этотъ счетъ. Что такое бракъ? Я
думаю, что женщина въ данномъ слу-
чаѣ играетъ весьма значительную вос-
питательную... весьма...

— Ты весьма дуракъ, серьезно ска-
зала Драбкинъ.

— Тихая мгла все болѣе и болѣе на-
ползла на нихъ. Щелкаль гдѣ-то ба-
тогъ, пахло травами и вишневымъ
клеемъ, а лица, теряя рѣзкость сво-
ихъ чертъ, перестали быть знакомы-
ми, какъ пятна, расплывчато блѣ-
тели сквозь черноту.

Долго, долго молчали. И молчаніе
никому не было въ тягость, потому
что какъ-то внезапно спадали замки
съ груди, запертой днемъ, слеталъ съ
нея дневной налетъ и устанавливалаась
дѣтски наивная, но легкая и радост-
ная связь съ ночью, очищенной отъ
ложности и пошлости однообразнаго,
захолустнаго дня.

— Женщина... сказалъ тихо Драб-
кинъ. Минъ казалось, что женщина—
нуль. Весь миръ какое-то громадное
число, а общество—своего рода гро-
мадная непрерывная дробь, съ числи-
телемъ единицей. Эта единица есть
мужчина. Теперь смотрите, что дѣлается
внутри этой непрерывной дроби. Мужчина съ мужчиной или жен-
щина съ женщиной имѣютъ болѣе слабую связь между собой:
связемъ ихъ плюсами. Но связь
мужчины съ женщиной, или жен-
щины съ мужчиной тѣснѣ и не-
разрывнѣ: связемъ ихъ чертой
дѣленія. Итакъ, мужчина и жен-
щина представляютъ изъ себя
вмѣстѣ одинъ членъ, т.-е. дробь,
тогда какъ мужчина съ мужчиной,
или женщина съ женщиной такъ
и останутся группой изъ двухъ
членовъ. Если вы составите такъ
непрерывную дробь, то она дастъ
безконечность. Да, да, общество
есть безконечность... Теперь раз-
беремъ это общество по частямъ;
если вы не позабыли, что муж-
чина взять за единицу, а женщи-
на за нуль, то каждая пара ихъ
будетъ дробью, гдѣ то въ чи-
слителѣ единица, а въ знаменателѣ
нуль, то наоборотъ. Что-же
это значитъ?—нуль, дѣленный на
единицу, и будетъ нуль. Но едини-
ца, дѣленная на нуль, дастъ
безконечно большое число.

— А изъ этого вытекаетъ, уже
шутливо заключилъ Драбкинъ,—
что гораздо выгоднѣе, если въ
знаменателѣ, внизу, стоять жен-
щина, а въ числителѣ, т.-е. ввер-
ху, будетъ мужчина. А еще даль-
ше выходитъ, что не дай Богъ,
если мужчина попадетъ внизъ,
т.-е. подъ башмакъ женщины!

Такъ-то, голубчики. И если кто
станетъ спорить со мной, туть,

значить, будеть спорить съ са-
мой математикой. Гдѣ-же сей дерзкій!

— Все-бы такъ, поспѣшио подхва-
тиль Паша Пѣтуховъ:—да вотъ жен-
щину-то ты произвольно за нуль
взялъ. А возьми-ка наоборотъ,—жен-
щину за единицу!

Но Драбкинъ не сдавался:

— И выйдетъ благо въ томъ, что
она тебѣ сядеть на шею. Эй, Макъ-
Магонъ, ты что тамъ? Слышишь на-
шего Поля де-Коха? Нионя Цѣпочки-
на эта и не чаетъ, что онъ уже у нея
въ кабалѣ!

— Да нѣтъ, не шутите вы, я, вѣдь,
въ самомъ дѣлѣ, запинался Алеша:
взьмемъ къ примѣру Нионю Цѣпоч-
кину... Я, напримѣръ...

— Такъ это ты, вспылилъ Пѣту-
ховъ: а мнѣ она вовсе не нравится,
чего ты присталь, скажи на милость?

Алеша чувствовалъ, что разговоръ
принимаетъ какой-то странный, почти
нелѣпый оборотъ.

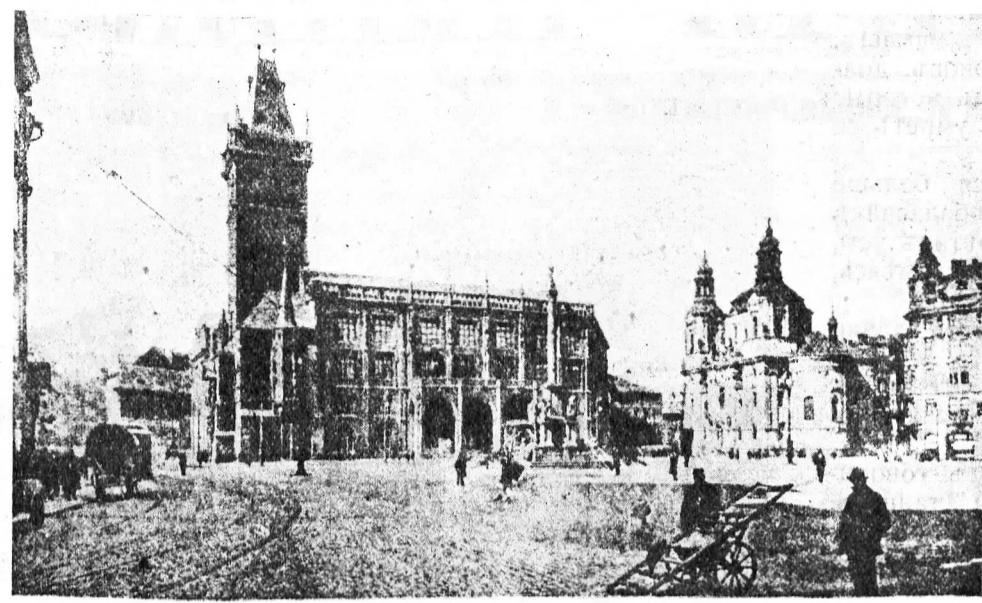
— Нѣтъ, братіе, что хотите, а Нионя
Цѣпочкина мнѣ страшно нравится.
И я прошу васъ серьезно высказаться

— Вовсе не въ каба-
лѣ, возразилъ Поль де-
Коѣ: я тебѣ скажу го-
раздо проще. Миръ—
поэма. Общество—от-
дѣльное стихотвореніе
изъ нея. Люди—буквы.
И женщины—именно
гласные буквы. Мы же
съ тобой—согласны.
Мы глухи, неясны, мы
шипящія, или прояв-
ляемъ только взры-
вомъ, какъ какая-нибудь
губная буква. Но соеди-
ни согласную съ глас-
ной, и получится пѣву-
чий и плавный слогъ.
Изъ этихъ словъ—сти-
хотвореніе.

И если за стихотвореніе взять общество,
то только въ томъ и
красота его, что соеди-
неніе и буква и словъ
не разсчитано, какъ
твои цифры, и подчи-
нено закону только стихийнаго творче-
ства...

— Что ты тычешь мнѣ въ носъ
Чернышевскаго! кричалъ черезъ часъ
Драбкинъ въ темнотѣ: у меня былъ
Гаврилычъ, дядька, онъ мнѣ сапоги
чистилъ! Вы, романтики, идеалисты,
герои, рыцари, горе-соціологи не мо-
жете уразумѣть, что проблемы эман-
ципации женщины, какъ проблемы—
нѣть, потому что она давно уже раз-
рѣшена общей теоріей...

И все волынѣ лились слова, и все
ири росъ безшабашный русскій

Площадь городской ратуши въ Прагѣ.

Здесь происходили самые крупные беспорядки и возводены были бастионы.

— Ну, вотъ, хорошо,
сказалъ онъ.

— Да бросьте вы спо-
ры ваши. Ей-Богу, какъ
дѣти! „Женщина, жен-
щина!“ Ну и ладно. Тутъ
бой нуженъ, натискъ, а
вы... Эхъ, былъ, помню,
у насъ въ полку...

— А, это случай
съ еврейкой, засмѣялся
Драбкинъ: какъ это ты
давно ужъ не разсказы-
валъ объ этомъ!..

— Какъ пошло и...
какъ безграмотно! про-
неслось въ головѣ Алеши.

Тогда онъ съ поры-
вомъ внезапной зла-
бы зажегъ полкоробки
спичекъ и засвѣтилъ
свѣчу, прикрепленную
къ вѣткѣ надъ столомъ.

— Конецъ вашей бе-
сѣдѣ,— стукнуль онъ
ладонью по столу: до-
вольно. Слышишь, ты,
Пашка, ты вѣрою угада-
ла: сватать тебѣ Нионю Цѣпочкину?

— Молчаніе длилось всего лишь мгно-
вение. Алеша чувствовалъ, что если
Пѣтуховъ промолчитъ чуть дольше,
или смѣшается,—то онъ будетъ пре-
зирать его, какъ себя. Но Поль де-
Коша улыбнулся и просто сказалъ:

— Сватай, если охота...

А Драбкинъ, вопреки всѣмъ ожида-
ніямъ, не захототать ядовито, а толь-
ко крутилъ головой и задумчиво про-
изнесъ:

— Чтожъ! Она интеллигентнѣе всѣхъ
среди нашего бабансу.

Маргарита Штайнгель,
обвиняющаяся въ Парижѣ въ убийствѣ
своего мужа и своей матери.

споръ, то извиваясь, какъ змѣя, то,
какъ кенгуру, перескакивая съ одной
почвы на другую.

И уже какъ-то забылось, что тамъ,
за плетнемъ, шли улицы нуднаго, мертваго
городища, затягивающаго и
обездоливающаго своей покойной тря-
синой; что завтра будетъ вчераший
день, а черезъ нѣсколько такихъ зав-
тра—осень, зима, прогимназия, раздра-
женія, двойки и полуники съ неизмѣн-
ными пирушками...

— Господи, да что-жъ это такое...,
подумалъ онъ и спряталъ лицо въ
ладони, несмотря на темноту: и я хот-
ѣль... Я? Я!..

И его такъ обожгло, что онъ не
выдержалъ и, качая головой, завыль:

— Аа... а... а... а!..

Пѣтуховъ остановился.

— Ты что это, Макъ-Магонъ Макъ-

Магонъчъ?

— Такъ... Есть въ криницѣ водка?

— Къ чему, брось!

Но Алеша вытащилъ бутылку и
безъ стакана съ наслажденiemъ пере-
лилъ въ себя половину.

V.

Алеша проявлялъ такую бурную
дѣятельность, не похожую на него,
что какъ то Драбкинъ замѣтилъ ему:

— Помилосердствуй, Макъ-Магони-
ще, что ты дѣлаешь! Эта баба вооб-
разить, что у Пашки нѣть своей ини-
циативы, что онъ тряпка и трусы!

Но тутъ только отмахивается ру-
ками.

Въ концѣ юля свадьба была сы-
грана съ необычайнымъ трескомъ. Мол-
одые боялись было кутерьмы, да и
расходовъ. Но Алеша совершенно

разбить первый пунктъ. Что же касается второго, то онъ тайно отъ всѣхъ доказать Цѣпочкиной маманиѣ, что онъ, Алексѣй Макогоновъ, долженъ взять на себя расходы, которые окуняются сторицей, когда умретъ ея холостякъ—брать.

На свадьбѣ онъ нанился большие всѣхъ, плясалъ, игралъ на балалайкѣ и на рюмкахъ, и лихо закрутилъ усы, когда Цѣпочкина—мамаша, смѣясь, сказала ему:

— Эхъ, жаль, что другой дочки неѣтъ у меня!

Возглашалъ здравицы, читалъ поздравительныя телеграммы, даже произнесъ половину спича.

Невѣста иѣсколько разъ говорила съ нимъ во время танцевъ, но онъ тогда терялся, какъ приготовишака, и все путалъ ся имѧ: иной разъ скажетъ просто „Анна“, иной—„Нюня Михайловна“.

А когда Драбкинъ, мрачный и серьезный, но тоже страшно пьяный, отвелъ его въ сторону, и сказалъ:

— Не забывай, Макогоновъ, что мужъ и жена—это дробь. Боюсь, чтобы нашъ Павель не оказался въ знаменатель... Тогда я не хотѣль бы быть на его мѣстѣ...

Алеша Макогоновъ вдругъ вспылилъ и закричалъ:

— Мало чего не хотѣль бы ты... Дуракъ, сосулька, педагогъ несчастный! Ну, а я, можетъ быть, и хотѣльбы... И вообще, убирайтесь вы всѣ отъ меня ко всѣмъ чертямъ!

Но этотъ инцидентикъ послужилъ, конечно, только къ вящему веселію...

Дмитрій Глушковъ.

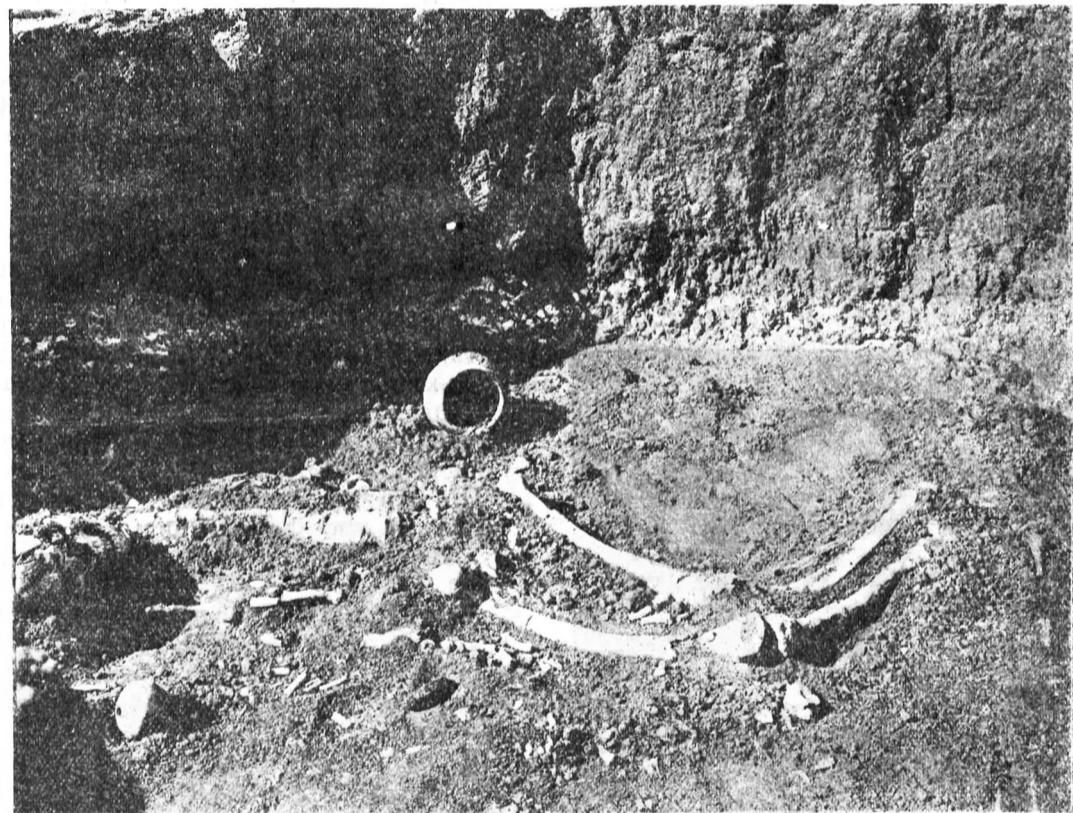
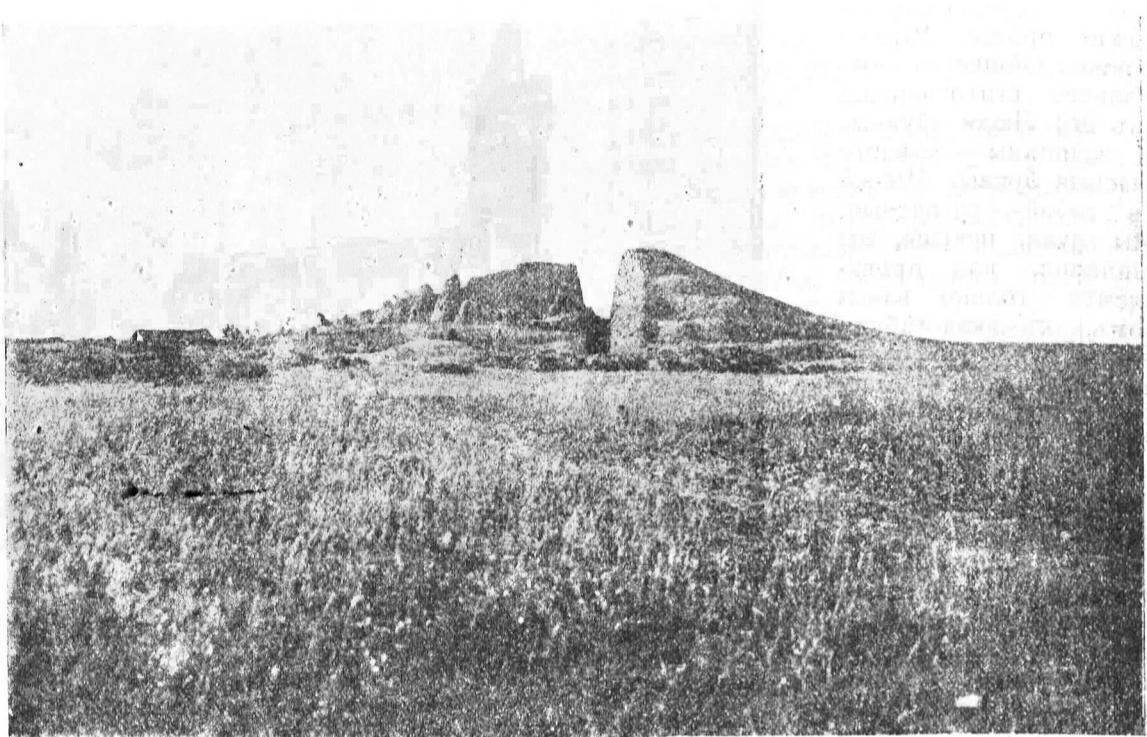
СМѢСЬ.

Древніе телефоны.

Недавно въ газетахъ было обращено вниманіе на алебастровыя вазы художественной античной работы, которыя находятся въ нѣкоторыхъ музеяхъ и между прочимъ въ Луврѣ, и роль которыхъ была не только служить художественнымъ украшеніемъ жилищъ, но и отражать, сосредоточивать и усиливать звуки. Такія вазы, сдѣланыя изъ особаго, уже не находившагося въ каменоломняхъ, алебастра, ставились въ большихъ комнатахъ, въ театрахъ и собраніяхъ и, можетъ быть, на площадяхъ, и благодаря ихъ присутствію, ораторы могли произносить рѣчи, не напрягая голоса, при чемъ звукъ воспринимался слушателями на всемъ пространствѣ одинаково ясно и со всѣми его красочными оттенками.

Въ XVIII ст. въ нѣкоторыхъ зданіяхъ „телефоны“, или звукопроводы, устраивались только не въ видѣ вазъ, а въ видѣ трубъ, сдѣланныхъ изъ особаго цемента и имѣющихъ особую форму. Еще постройки архитектора Растрелли отличаются присутствіемъ звукопроводовъ. Такъ, соборъ Смольного монастыря весь въ звукопроводахъ, и поэтому рѣчь, сказанная въ царскихъ вратахъ даже шепотомъ, отчетливо слышна на паперти. Во многихъ залахъ и комнатахъ Зимняго дворца тоже имѣются звукопроводы, хотя въ позднѣйшихъ передѣлкахъ они безжалостно были уничтожены и, вѣроятно, сохранились не во всѣхъ стѣнахъ дворца.

Раскопки „Царевой могилы“.

Раскопки „Царевой могилы“ вблизи м. Кривой-Рогъ Херс. губ., производились владѣльцемъ имѣнія А. Бишлеромъ подъ наблюденіемъ херсонскаго археолога В. Гошкевича и члена херсонской комиссіи студ. ветер. А. Коломойцева.

Первый рисунокъ представляетъ курганъ высотой шесть въ саженей, стоитъ изъ старой насыпи въ $4\frac{1}{2}$ саж., бронированной камнями, и добавочной въ $1\frac{1}{2}$ саж., болѣе поздняго происхожденія.

Раскопки ведутся въ продолженіе двухъ лѣтъ; до сихъ поръ обнаружено 11 погребеній, всѣ вѣнцы (каменной ограды въ діаметрѣ 10 саж., оказавшейся подъ насыпью).

Одни изъ погребеній нужно отнести къ V—VI вѣку до Р. Х., другія къ

болѣе позднему происхожденію скіескому—типъ впускного погребенія—въ старый курганъ. О скіескѣмъ погребеніи свидѣтельствуютъ—мѣдные копья, стрѣлы и серебряные завитки (украшения для волосъ), оказавшіеся при погребеніяхъ впускного характера.

Изслѣдование материала въ вѣнцахъ могилы будетъ производиться въ слѣдующемъ году,

Второй рисунокъ представляетъ погребеніе, при которомъ найденъ горшокъ, чаша—черной глины и отшлифованный камень съ выточенной дырой, очевидно служившій оружиемъ защиты. Въ ногахъ скелета истлевшій костякъ ребенка.